

Попытка портрета на фоне спектакля

Одиночество Фомы

Россия. - 1995. - 9-15 авг. - с. 12

Наталья КАМИНСКАЯ

Спектакль «Фома Опискин» вышел в те дни, когда артист, исполняющий в спектакле главную роль, отмечал юбилей. Те, кто всегда любил Сергея Юрского и следил за причудливыми траекториями его творческой судьбы, тихо и про себя отметили этот праздник. Шумели, как это обычно бывает, другие. В печати и на ТВ мелькали эпитеты «выдающийся», «непревзойденный», слетевшие с журналистских уст, похоже, столь же легко, сколь они слетели бы по любому другому юбилейному поводу. Суть же уникальной личности осталась при этом в стороне. Как и положено в застольном угаре - задравный тост, он хоть и приятен, и нужен, но он всего лишь тост. Под шум официальных и полуофициальных похвал «Фома Опискин» в Театре имени Моссовета был практически не освещен серьезной критикой. То ли бенефисная роль не слишком вписалась в торжество, то ли надо было отстояться самому спектаклю.

Теперь, по прошествии времени, можно не думать о тостах. И еще раз со всей очевидностью обнаружить: если и есть на театре фигура, не озабоченная подготовкой к датам, приличествующим удачному моменту действием, - короче, личность, не обладающая этим выгодным качеством баловня судьбы и любимца публики, то это, как раз он, Юрский. Для меня лично его творческие поступки во все времена его переменчивой судьбы были именно поступками. Он как-то ухитряется сообразовываться не с ситуацией, а лишь с самим собой. Что необыкновенно ценно. Но и чревато. Нет чтобы подгадать к своему юбилею «Стулья» - спектакль - итог собственной биографии, судьбы, представлений о театре и о жизни. Вот было бы деяние, обреченное на успех и значимостью события (каковым и явились «Стулья» в прошлом сезоне), и совпадением с датой. Но идея пришла, когда пришла, и не Юрскому тянуть с ней до выгодного момента. Только не ему. В «момент» попал «Фома Опискин». Уже помимо актерской воли тоже оформившийся в некий итог.

В спектакле режиссера П.Хомского Фома Опискин решительно отстранен от всего происходящего на сцене. Он - одинокая, обособленная фигура. Хотела написать «вершина», но как применить такое определение к такой омерзительной личности? Впрочем, и с личными качествами всем известного персонажа происходит в этом спектакле нечто странное. Присуще ли этому Опискину все то, что мы привыкли знать о нем: хамство, лицемерность, подлость, изуитство, демагогия и проч...? То есть, все это, конечно, произносится текстуально, но как бы не сообразуется с внутренней жизнью в этом спектакле самого артиста. Ощущение, будто Юрский взял за «представить» нам на сцене того, кого Достоевский сочинил отъявленным мерзавцем. Но выпустить его в себя не сумел (или не хотел?). Так или иначе, но моссоветовский Опискин в имени Ростанева - сам по себе. Он некий знак страшного явления лжепророчества, которое (конечно, конечно) в нашей нынешней жизни имеет солидное место. Но звучит ли спектакль Театра Моссовета от этого актуально? Вот вопрос, на который затруднительно ответить. Как, впрочем, и на множество других. Почему, скажем, в предельно традиционной, в духе старых постановок пьес А.Островского декорации, среди классической мебели (прямо из спектаклей Малого театра) красуется несообразно гигантский диван Фомы? Ведь не Обломов же, в самом деле, перед нами? И не французская пьеска о падении нравов, где широченное ложе тоже было бы уместно? Или почему так традиционно, опять же «по-островски» выглядят все обитатели села Степанчиково с их тщательно подобранными к стилю эпохи нарядами, вполне классической, плавной речью? В то время как Фома совсем другой - и в облике, и в пластике, и в речи. Ведь живет он здесь же, подминая под себя всех и вся, и уезжать не собирается. Да и корнями он отсюда - из этой сонной, наивной и вязкой, как болото, уездной жизни. Но этой мысли Достоевского о том, что Опискин - уродливая плоть и кровь отечественного бытия, будто и вовсе нет в спектакле. Ибо тот, кого представил Юрский, - не только из другой жизни, но как бы из другого зрелища.

Артист играет без грима. Рельефные, такие знакомые, такие «нетиражируемые» черты его лица не дают ни на минуту отключиться от Юрского и погрузиться в Фому. Резкая, почти эстрадная пластика, неповторимый прононс, неподражаемый голос -

Юрский, Юрский, Юрский. А где же Фома? Сама по себе его игра - демонстрация филигранно отточенного мастерства. Он то значителен, то страшен, то смешон. Но кто он? Артист Сергей Юрский, звезда, классный профессионал, представляющий нам то, что написано про Фому в гениальной пьесе. Фома в спектакле не «живет». Он делает что-то другое. А ведь это-то «другое» артисту делать не привыкать. Как ни парадоксально, Фому можно считать неким фарсовым итогом в длинной цепи одиночества, сыгранных Сергеем Юрским. Ах, как он умел это делать, когда играл благородные, талантливые и даже гениальные одиночества! Чацкий, барон Грозенбах, Кюхля, Эзоп, Остап Бендер, Мольер, Фарятев...

Можно долго сетовать на то, что после Большого драматического театра и Г.Товстоногова этот уникальный артист так и не встретил режиссера, который продолжал бы открывать в нем новые, неизведанные возможности. И это будут справедливые сетования. Однако человек предполагает, а Бог располагает. Товстоногов, всегда остро чувствующий гамлетовское «актером пишет время», безошибочно угадал в Юрском то, что было ко времени: потрясающую способность сыграть одиночество незаурядного духа. Среда товстоноговских спектаклей была всегда насыщена мощной жизнью, и герой полнокровно жил в ней вместе со всеми другими персонажами. Но особенность, некий одинокий холм, на котором суждено временами стоять всякой неординарной фигуре, определился уже тогда. Возникла тема. Она развивалась в самом артисте. Кино и телевидение лишь подхватили уже найденное и использовали его на свой лад. А самостоятельное чтецкое творчество актера на эстраде все это еще углубляло и отшлифовывало. Собственная незаурядность актерской личности, помноженная на непростые обстоятельства, дала почти мистический эффект - артист испытывал на своей личной творческой судьбе то, что долго играл на сцене и на экране. Среда однажды исчезла. А тема осталась. Постепенно его персонаж переставал жить в спектаклях и фильмах обычной человеческой жизнью: любить, быть любимым, ругаться, изменять, быть брошенным женой или уволенным с работы, вознесенным по служебной лестнице, убитым на дуэли, наконец...

С пристрастием следя за каждой его новой работой, я с возрастающей тревогой ожидала, когда же следующий его герой «заживет» по-настоящему, завертится в реальных отношениях с людьми, набьет настоящие синяки, испытает подлинный взлет и падения? Но так сложилось в судьбе артиста, что его герои все дальше и дальше множили одиночество духа на отстраненный способ существования на сцене и на экране. Оттачивалась форма, а живая страсть загонялась внутрь.

Однажды, уже в Москве, в Театре Моссовета, круг, казалось, был разорван. В спектакле Камы Гинкоса «Гедда Габлер» по Ибсену Юрский сыграл Йоргена Тесмана. Он, кажется, впервые играл серого, неталантливого, но страдающего человека. Играл поразительно точно. Почти никто не обратил тогда внимание на эту маленькую актерско-режиссерскую победу. А жаль. Юрский в этом спектакле был таким непохожим на себя прежнего. Кто знает, может быть, это стало бы началом нового прорыва?..

Спустя много лет им самим переведенные, поставленные и сыгранные вместе с Н.Теняковой «Стулья» Э.Ионеско вдруг напомнили мне старую «Гедду Габлер». «Стулья» - не только ретроспектива прожитого и пережитого, но и собственный авторский порыв. Фома же - вновь отыгрывает старую историю. Только в виде фарса. Художественная среда этого спектакля как бы вытолкнула из себя главного героя. В силу ли просчетов режиссерского замысла или из-за особенностей актерской индивидуальности исполнителя, но моссоветовский Фома Опискин совершает свои деяния будто бы и не всерьез, понарошку. И потому вопросы: кто он на самом деле, какие мотивы им движут, так и остаются в спектакле загадками.

Самое интересное, что лишенный в спектакле среды обитания Фома Опискин несомненно дарит зрителю немало счастливых минут. Как и Е.Стеблов, играющий Ростанева, В.Сторожик - племянник Сергей, В.Яременко - Мизинчиков. В Театре Моссовета много хороших артистов. Однако... Недавно в одном из телеинтервью Сергей Юрский сказал, что в следующей своей работе попробует сделать что-то совсем другое. Может быть, его укрепит в этом стремлении то скромное обстоятельство, что не одному ему именно от него этого и хочется.

128